

УДК 811.161.1'42:82-31:005.57

UDC 811.161.1'42:82-31:005.57

ТИПЫ И ФУНКЦИИ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТАТУСНО-МАРКИРОВАННОМ ДИАЛОГЕ ПОВЕСТИ А. КУПРИНА «ПОЕДИНОК»**TYPES AND FUNCTIONS OF INDIRECT COMMUNICATION IN STATUS-MARKED DIALOGUE IN THE STORY BY A. KUPRIN "POEDINOK"****Н. А. Михальчук,***кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского
языкознания МГУ имени А. А. Кулешова***N. Mikhalchuk,***PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of General and Slavic
Linguistics, MSU named after A. Kuleshov*

Поступила в редакцию 17.04.2023.

Received on 17.04.2023.

Статья посвящена проблеме непрямого общения в прозе А. И. Куприна, роли не прямых высказываний в формировании речевого поведения персонажей. Доказывается, что в речи вышестоящих употребительными являются косвенные речевые акты со значением неодобрения, приказа, а также намеки-угрозы. Обосновывается, что причинами использования косвенных высказываний в повести являются вежливость, снижение категоричности и ирония, а функциями косвенных речевых актов – характеристика героев и выражение ключевых идей произведения. В речи главного персонажа выявлен особый тип непрямого общения – коммуникативно значимое молчание.

Ключевые слова: не прямая коммуникация, косвенный речевой акт, интенция неодобрения, интенция приказа, коммуникативно значимое молчание.

The article is devoted to the problem of indirect communication in the prose of A. Kuprin, the role of indirect statements in the formation of speech behavior of characters. It is proved that indirect speech acts with the meaning of disapproval, orders, as well as hints-threats are used in the speech of superiors. It is substantiated that the reasons for the use of indirect statements in the story are politeness, reduction of categoricity and irony, and the functions of indirect speech acts are characterization of characters and expression of the key ideas of the work. The speech of the main character reveals a special type of indirect communication - communicatively significant silence.

Keywords: indirect communication, indirect speech act, disapproval intention, order intention, communicatively significant silence.

Изучение речевой коммуникации персонажей художественного текста в последние десятилетия все чаще вызывает исследовательский интерес. Отметим труд А. Д. Степанова, в котором проза А. П. Чехова исследуется с точки зрения специфики языковых личностей персонажей, особенностей их речевого поведения [1], статьи Г. Г. Хисамовой о диалоге в творчестве В. Шукшина [2; 3], работы о не прямой коммуникации в русскоязычной прозе В. В. Набокова [4; 5]. Принимая определение В. В. Дементьева, не прямую коммуникацию мы рассматриваем как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [6, с. 5]. Косвенными речевыми актами Дж. Р. Серль называет случаи использования высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции X, для выражения иллокуции Y. Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?* грамматически является вопросом, но в коммуникации используется для выражения вежливой просьбы. Понимание этой фразы как вопроса в первичной функции возможно в определенных контекстах, но в практическом плане часто не имеет смысла [7].

Армейская среда – одна из сфер общения, отраженных в произведениях русских писателей XX в., в которой осуществляется диалог неравноправных по статусу партнеров. Диалог между вышестоящим и нижестоящим в армии в художественном тексте

был описан в XX в. А. Куприным, М. Булгаковым, К. Симоновым, в начале XXI в. – З. Прилепиным. Социальной ролью Л. П. Крысин называет «форму общественного поведения человека, обусловленную его положением в некоторой социальной группе и в некоторой ситуации общения» [8, с. 428]. Социальные роли коммуникантов в диалоге могут иметь следующее соотношение: 1) роль адресанта сообщения выше роли адресата; 2) роль адресанта высказывания ниже роли адресата; 3) равенство ролей [8]. Статусно-маркированный диалог между вышестоящим и нижестоящим характеризуется устоявшимся набором средств коммуникации. При анализе социальных ролей необходимо их соотношение с понятиями «вежливость», «речевой этикет». В официальном, церемонном этикете предьявляются более жесткие требования к соблюдению правил вежливости, чем в бытовом, приятельском, семейном вариантах этикета, и существует необходимость в использовании не прямых высказываний для сохранения «лиц» говорящего и слушающего [9]. Величина дистанции между коммуникантами и формальный характер общения в статусно-маркированном диалоге диктуют выбор не прямой коммуникации.

Рассмотрим не прямую коммуникацию в повести А. Куприна «Поединок». Изучение косвенных речевых актов проводится в двух контекстах: 1) диалог; 2) нарративный контекст, отражающий реплику в диалоге, типа: «Он кивнул». Цель данной статьи – проанализировать типы, причины использования, функции, а также интенциональные значения не

прямой коммуникации в повести А. Куприна «Поединок». Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод для характеристики явления не прямой коммуникации, типов коммуникации и интенциональных значений в дискурсах персонажей А. Куприна, метод анализа и синтеза для теоретического обобщения языковых фактов.

Наиболее частотной интенцией, реализуемой непрямо в речи вышестоящего по отношению к нижестоящему, в повести А. Куприна является неодобрение (37 единиц употребления). С помощью речевых актов данного типа А. Куприн дает выразительную речевую характеристику полкового командира полковника Шульговича, подполковника Леха, ротного командира Сливы, капитанов Петерсена, Дица и др. Дистанцируется от этих персонажей и противоостоит им своеобразная языковая личность – подпоручик Ромашов. Косвенное неодобрение в речи офицеров выражается, как правило, с большой степенью интенсивности, с использованием экспрессивной фразеологии с отрицательными коннотациями: «Вам бы сиську сосать, а не...», «Стояли бы и молчали, если уж Бог убил», «Здесь вам не балаган на святой неделе», устойчивых оборотов с трансформацией отдельных компонентов: «тряпку вам сосать» или окказиональных: «о бабьих хвостах думаете, а не о службе», метафорических конструкций: «Ротный командир, пожалуйста ко мне. Что вы тут показываете? Что это: похоронная процессия? Факельцуг? Раздвижные солдатики? Маршировка в три темпа?»; «Петрушки! Картонные паяцы! Чугунные мозги!», гиперболы: «Вы, капитан, знаете, что если господин полковник теперь не отдаст вас под суд, то я этим совершаю преступление по службе». В речевых актах неодобрения функционируют синтаксические интенсификаторы – восклицательные и вопросительные предложения: «Стоишь, как беременная баба! Как ружье держишь?»; «Что? Разговаривать? Молчать!», «Остановите роту. Остановите!»

Коммуникативными и языковыми средствами А. Куприн развеивает романтический ореол офицеров царской армии: показывает отсутствие у них культуры, их враждебность к солдатам, изображает разьединенность офицерской и солдатской среды. Интенциональное значение неодобрения в повести может быть выражено в форме:

- 1) вопроса: «Вальсы танцуете? Поль де Коков читаете? Что же это – солдат, по-вашему?»;
- 2) вопроса, в состав которого входит фразеологизм: «Чего рот разинул? Каши захотел?»;
- 3) сообщения: «Вы свободны, рад буду видеть вас в другой раз, но в другом порядке»;
- 4) сообщения, в которое включен фразеологизм: «Нужны вы мне, как собаке пятая нога»;
- 5) сентенций, непрямо выражающих коммуникативное намерение: «Все спите. Во сне шубы не сошьешь»; «Кучер плох, и лошади не везут».

Несколько реже в дискурсах «вышестоящих» в повести «Поединок» наблюдается не прямая реализация интенции приказа (16 примеров исполь-

зования косвенного приказа, общее число прямых речевых актов приказа – 58). Приказом мы считаем требование, обязательное к исполнению, употребляемое по отношению к лицу с более низким социальным статусом. Приказ ограничивает свободу партнера по общению и является невыгодной для адресата интенцией, так как наносит ущерб его коммуникативному «лицу». [9] Однако, как отмечают лингвисты, прямое выражение приказа в репликах говорящего с более высоким социальным статусом, обращенных к лицу с более низким статусом, в институциональном общении является нормой [10; 11]. В то же время косвенный приказ следует оценивать как более вежливую, щадящую, чем прямой приказ, форму воздействия на адресата, являющуюся более уместной в ряде речевых ситуаций.

Наиболее употребительными средствами выражения побудительного значения прямого приказа в повести Куприна выступают: 1) формы императива: «Остановите роту!»; 2) формы глагольного инфинитива: «Ма-ал-чать!»; 3) односоставные неполные побудительные предложения: «К церемониальному маршу!», «Первая полурота, шагом!», «Полк, на плечо!»

В повести «Поединок» отмечены следующие способы выражения косвенного приказа: в форме совета, просьбы, сообщения, прощания. Стремлением говорящего снизить ущерб, наносимый «негативному лицу» адресата при реализации неблагоприятной интенции, объясняется выражение прагматического значения приказа в форме совета. Ср.: «Ну, а затем вот вам мой совет-с: первым делом очиститесь вы с солдатскими деньгами и с отчетностью. Слышите? Это чтобы завтра же было сделано». Косвенная форма данных высказываний способствует смягчению осуществления коммуникативного намерения, однако выбор интенции совета в качестве собственного значения непрямого речевого акта отражает и иронию вышестоящего. Интерпретировать интенцию как приказ, притом категоричный, помогает анализ социальных ролей коммуникантов (обращение полковника к офицеру), специфики речевой ситуации (институциональное общение), а также учет дополнительных средств характеристики ситуации: наречия в сочетании с частицей «завтра же», формы страдательного залога «было сделано», которые являются маркерами категоричности речевых актов.

Косвенный приказ покинуть помещение, обращенный полковником Шульговичем к капитану Световидову, осуществлен в виде речевых актов сообщения и прощания: «Затем, капитан, я вас не держу. Честь имею кланяться». С учетом социальных ролей партнеров по общению и характера их отношений намерение говорящего интерпретируется как приказ. За дружеским обедом с Ромашовым Шульгович по-прежнему следует своей роли вышестоящего: « – Подпоручик! Извольте отложить ножик в сторону. Рыбу и котлету едят исключительно вилкой. Не хорошо-с! Офицер должен уметь есть. Каждый офицер может быть приглашен к высочайшему столу. Помните это». В данных высказываниях осуществлена речевая интенция запрета, являющегося одной из разновидностей приказа. Смягчить категоричность волеизъявления, а, следовательно, и воздействие на адре-

сата позволяет использование приема имперсонализации: в речь персонажа вводится структура неопределенно-личного предложения, также говорящий прибегает к нарицательному существительному, обозначающему собирательный образ: ср. «офицер», «каждый офицер». Капитан Слива формулирует приказы в адрес офицеров в косвенной форме просьбы, на что указывает перформативный глагол *прошу*. Однако дополнительные средства описания речевой ситуации и соотношение социальных ролей коммуникантов позволяют интерпретировать намерение говорящего как приказ. Ср.: «Прошу помнить, подпоручик, что вы обязаны быть в роте за пять минут до прихода старшего субалтерн-офицера и за десять до ротного командира»; «Прошу господ офицеров идти к своим взводам». Выражение приказа в виде просьбы является распространенной «этикетно-закрепленной формой общения» [12].

В речи вышестоящих отмечен ряд примеров употребления намека-угрозы, которым сопровождается приказ, имеющий с угрозой общую коммуникативную цель: «*Если до меня еще раз дойдут слухи, что вы пьянствуете...*». Косвенные приказы вышестоящих, обращенные к нижестоящим, в повести А. Куприна в ряде случаев становятся формальными, реализуемыми только на уровне высказывания знаками предоставления слушающему свободы действий [9] и потому характеризуются как вежливые. Как отмечает В. И. Карасик, маркером вежливости может служить и «длина высказывания»: «чем короче текст, тем меньше уважения» [10, с. 84]. Реализация интенций в виде макроречевых актов также указывает на стремление вышестоящих к следованию речевому этикету.

Таким образом, причинами использования косвенных приказов в речи вышестоящих в повести могут выступать смягчение реализации интенций, вежливость, а также ирония. В дискурсах нижестоящих были отмечены прямые речевые акты согласия (в том числе ложного и вынужденного), извинения, сообщения, однако непрямая коммуникация почти отсутствует, что можно объяснить тем, что основным носителем речи в статусно-маркированном диалоге повести является вышестоящий. От подчиненного же, чьи чувства и интересы полностью игнорируются, не ожидают коммуникативной инициативы, а только однозначно понимаемых, лаконичных, прямых речевых актов согласия либо извинения: ср. «*Слушаю, господин капитан!*», «*Точно так*», «*Винюват, господин капитан*».

Образ главного героя – подпоручика Ромашова в коммуникативном отношении отличен от других персонажей. Во-первых, Ромашов выступает в повести как нижестоящий по отношению к одним героям и вышестоящий по отношению к другим и прибегает к коммуникативному переключению. Во-вторых, в статусе нижестоящего дискурс Ромашова характеризуется наличием особого типа не прямой коммуникации – коммуникативно-значимого мол-

чания. Молчание Ромашова является его ответом на критику и угрозы со стороны Шульговича и выражает различные интенциональные значения, которые раскрываются во внутренней речи героя и авторском повествовании:

- 1) несогласие, ср.: «*Я стою, я молчу, – с тоской думал Ромашов, глядя неотступно на серьгу в ухе полковника, – а мне нужно было бы сказать, что я и сам не дорожу этой семьей и хоть сейчас готов вырваться из нее, уйти в запас. Сказать? Посмею ли я?*»;
- 2) неодобрение, ср.: «*Но когда полковник заговорил о его матери, кровь вдруг горячим, охмеляющим потоком кинулась в голову Ромашову, и дрожь мгновенно прекратилась*»;
- 3) высокая степень осуждения, ср.: «*В первый раз он поднял глаза кверху и в упор посмотрел прямо в переносицу Шульговичу с ненавистью*»; «*Странный, точно чужой голос шепнул вдруг извне в ухо Ромашову: “Сейчас я его ударю”*».

Молчание Ромашова является его реакцией на «авторитарный дискурс» (термин А. А. Пушкина [13]) полковника, при котором любое возражение наказуемо, а попытки оправдания не имеют смысла. Функциями косвенных речевых актов в романе выступают речевая характеристика персонажей и выражение ключевых идей произведения.

Таким образом, собирательный образ вышестоящего формируется в повести при участии косвенных речевых актов со значением неодобрения, приказа, намека-угрозы, а образ Ромашова, противостоящий всем языковым личностям в повести, – с помощью косвенных речевых актов со значением несогласия и коммуникативно-значимого молчания. Наиболее частотными интенциями, непрямо выраженными в повести, являются неодобрение и приказ. При реализации косвенного неодобрения в речи офицеров активны фразеологизмы с отрицательными коннотациями, метафоры и гиперболы. Значение неодобрения выражается в форме вопроса, сообщения, сентенции. Косвенный приказ осуществляется в виде совета, просьбы, сообщения, прощания. К приказу примыкает намек-угроза. Прямое выражение приказа в дискурсе вышестоящего, с точки зрения лингвистов, является общепринятым, однако в ряде коммуникативных ситуаций герои повести прибегают в речи к косвенной форме выражения данной интенции. Причины использования косвенного приказа – смягчение воздействия, вежливость, а также ирония вышестоящего. В речи нижестоящего непрямо коммуникативная не является частотной, так как от него ожидаются прямые и краткие реплики, коммуникативная инициатива ему не доступна. В дискурсе Ромашова как типе не прямой коммуникации реализовано коммуникативно значимое молчание, выражающее ряд интенциональных значений: несогласие, неодобрение, высокая степень осуждения. Молчание является реакцией языковой личности на проявления «авторитарного дискурса» в речи вышестоящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М.: Яз. слав. культуры (А. Кошелев), 2005. – 396 с.

REFERENCES

1. Stepanov, A. D. Problemy kommunikacii u Chekhova / A. D. Stepanov. – M.: Yaz. slav. kul'tury (A. Koshelev), 2005. – 396 s.

2. Хисамова, Г. Г. Речевое поведение героев рассказов В. М. Шукшина / Г. Г. Хисамова // Рус. речь. – 2004. – № 4. – С. 51–55.
3. Хисамова, Г. Г. Персонаж художественного текста как языковая личность / Г. Г. Хисамова // Вестн. Нижегород. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 774–777.
4. Функции косвенных речевых актов в произведениях В. Набокова / Н.А. Михальчук // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2017. – № 2. – С. 78–85.
5. Косвенные речевые акты как средство создания художественного образа в произведениях В. Набокова / Н. А. Михальчук // Рус. яз. за рубежом. – 2017. – № 5. – С. 57–63.
6. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 374 с.
7. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 195–223.
8. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
9. Brown, P. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
10. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
11. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
12. Гурочкина, А. Г. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / А. Г. Гурочкина, Л. З. Давыдова // Логико-семантические и прагматические проблемы текста : сб. ст. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ин-т, 1990. – С. 47–53.
13. Пушкин, А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей / А. А. Пушкин // Язык, дискурс и личность : сб. ст. – Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1990. – С. 50–60.
2. Hisamova, G. G. Rechevoe povedenie geroev rasskazov V. M. Shukshina / G. G. Hisamova // Rus. rech'. – 2004. – № 4. – S. 51–55.
3. Hisamova, G. G. Personazh hudozhestvennogo teksta kak yazykovaya lichnost' / G. G. Hisamova // Vestn. Nizhegor. un-ta. – 2010. – № 4. – S. 774–777.
4. Funkcii kosvennyh rechevyh aktov v proizvedeniyah V. Nabokova / N.A. Mihal'chuk // Zhurn. Belarus. gos. un-ta. Filologiya. – 2017. – № 2. – S. 78–85.
5. Kosvennye rechevye akty kak sredstvo sozdaniya hudozhestvennogo obraza v proizvedeniyah V. Nabokova / N. A. Mihal'chuk // Rus. yaz. za rubezhom. – 2017. – № 5. – S. 57–63.
6. Dement'ev, V. V. Nepryamaya kommunikaciya / V. V. Dement'ev. – M.: Gnozis, 2006. – 374 s.
7. Serl', Dzh. R. Kosvennye rechevye akty / Dzh. R. Serl' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike : sb. st. – M., 1986. – Vyp. 17 : Teoriya rechevyh aktov. – S. 195–223.
8. Krysin, L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike / L. P. Krysin. – M. : Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. – 888 s.
9. Brown, P. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
10. Karasik, V. I. Yazyk social'nogo statusa / V. I. Karasik. – M. : Gnozis, 2002. – 333 s.
11. Sternin, I. A. Osnovy rechevoe vozdejstvie / I. A. Sternin. – Voronezh : Istoki, 2012. – 178 s.
12. Gurochkina, A. G. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike / A. G. Gurochkina, L. Z. Davydova // Logiko-semanticheskie i pragmaticheskie problemy teksta : sb. st. – Krasnoyarsk : Krasnoyar.gos.ped.in-t, 1990. – S. 47–53.
13. Pushkin, A. A. Sposob organizacii diskursa i tipologiya yazykovykh lichnostej / A. A. Pushkin // Yazyk, diskurs i lichnost' : sb. st. – Tver' : Izd-vo Tver.un-ta, 1990. – S. 50–60.